

Мария Фомальгаут
Снүтти и Уснүтти

Мария Владимировна Фомальгаут

Снутти и Уснутти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17800193

ISBN 9785447454661

Аннотация

К нам пришла тайна. Никто не заметил, как она пришла, как бесшумно открыла дверь, как поднялась по лестнице и распаковала чемоданы в комнате наверху. Никто не замечал, как она жила в нашем доме – по вечерам зажигала свет, читала что-то древнее, из прошлых веков. Мы не знали, что в доме живет тайна до тех пор, пока... Вернее, не так. Я не знал, что в доме живет тайна. Теперь понимаю – я один ничего не знал.

Содержание

Снутти и Уснутти	5
Чуднодурый	13
Меж двух книг	29
Закон тринадцатого удара	37
Четырехмерный бублик	57
Многоэтажный автобус	62
Бескрылые истории	63
Музей ночей	74
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Снутти и Уснутти

Мария Фомальгаут

*В тексте рассказа «Закон Тринадцатого удара»
приведены английские народные песенки в переводе
С. Я. Маршака.*

© Мария Фомальгаут, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Снутти и Уснутти

Когда-нибудь я придумаю свой волшебный лес. Совсем-совсем волшебный. Совсем-совсем свой. Там будут Снутти и Уснутти. Кто такие, не знаю, но – Снутти и Уснутти. Они будут жить в большом доме посреди леса, а дом будет на большом дереве. Или нет, не так, дерево старое, дерево уже рухнуло, а дом остался парить в воздухе.

Снутти и Уснутти будут жить с папой, мамой, дедушкой и бабушкой. И с ними – в смысле, со Снутти и Уснутти – будут случаться всякие чудеса.

Когда-нибудь я придумаю свой волшебный лес. Только надо подумать очень-очень хорошо. Если этот проклятый лес вообще даст мне подумать. Нет, не волшебный, а этот, проклятый. Который окружает со всех сторон, который душил, давит, запутывает меня в бесконечный лабиринт все больше и больше.

Что-то черное, мохнатое вваливается из темноты, набрасывается на меня. Стреляю в что-то черное мохнатое, оно с визгом катится в снег, замирает.

Иду дальше, через черный лабиринт, который про себя называю лесом, хотя никакой это не лес, лес – это там, где лето, где светлячки в траве, где река шепчется с соснами...

Поэтому я придумаю свой лес. Там будут Снутти и Уснутти. И первое летнее утро. Когда просыпаешься и бежишь

на улицу, в лето, и так бы и бежал до самого края земли. Потом Снутти и Уснутти наскоро съедят свой завтрак и побегут в лес ловить солнечных зайчиков.

Снутти и Уснутти побегут к своему безумному дядюшке, который живет неподалеку. Дядюшка потому безумный, что постоянно изобретает всякие невероятные вещи. Сегодня, например, он придумал крылолет. И, разумеется, пригласил дорогих племянников прокатиться. Пробный полет с крыши большого дома, а дом у дядюшки непростой, с часами на башне. Ветер подхватит крылолет и унесет его далеко-далеко, а потом крылатая машина зацепится за луну. Всем лесом будут снимать непутевых путешественников, свяжут все лестницы, которые есть в лесу, чтобы получилась лесенка от земли до луны. Бабушка Снутти и Уснутти пообещает дядюшке надрать уши. Но так, любя. А потом все пойдут ужинать и есть варенье из упавших звезд.

Да, вот такой у меня будет лес. А не этот, в котором ночь, в котором снег, в котором смерть, в котором зима, вон она, больно кусает за пальцы, обжигает, жжет. Бегу – хоть нет сил бежать, бегу, проваливаюсь в снег, чувствую, что не хватает воздуха. Лес душит меня, давит на меня, темные коряги хватают за ноги, отбиваюсь прикладом, коряги уползают в темноту чащи...

У меня будет все по-другому. У меня будет лето и цветы на залитой солнцем поляне. А Снутти найдет пегаса. Настоящего. В лесу. Или нет, пегас сам прибьется к дому. И Снут-

ти будет просить, чтобы его оставили в доме (ну мааа-а-а-м, ну пожа-а-а-алуйста...), и будет путешествовать на нем по всему лесу. Ну и Уснутти, конечно, тоже возьмет с собой. И будет мечтать, как объедет на пегасе весь мир, благо, лето еще будет долго. А потом найдется хозяйка пегаса, маленькая лесная фея, которая все глаза выплакала. И придется пегаса вернуть. Но Снутти об этом жалеть не будет. Нисколько.

Луч света разрезает темноту леса, – не моего леса, чужого леса, злого и жестокого. Крылатая машина несется над лесом – не веселый крылолет, а другая машина, холодная, злобная. Падаю в черные кусты, кусты впиваются в меня острыми когтями, хватают за горло. Делать нечего, кое-как вырываюсь из кустов, луч света снова смотрит на меня, орет в динамик, немедленно вернитесь на базу...

А вот фиг тебе.

Стреляю. Дрон разлетается на осколки. Бегу, даже нет времени проверить, точно ли я его добил, или нет. Что-то раненко они меня хватились, переключка вроде как завтра должна быть, или они еще не хватились, это просто дрон меня засек... Бегу, даже некогда проверить патроны, есть они, или нет их уже.

У меня будет другой лес. Там будут Снутти и Уснутти, они будут дружить с большим деревом, а дерево будет рассказывать им разные истории. А однажды ночью будет страшный ураган, и вечером Снутти и Уснутти побегут домой, успеть до урагана. А наутро они выйдут из дома, чтобы навестить

дерево, а окажется, что дерево повалило ветром. Но Снутти и Уснутти позовут на помощь дядюшку и папу, и спасут дерево, снова посадят его в землю.

Дерево с глухим рычанием впивается мне в ногу. Нет, не доброе дерево из моего леса, а злое дерево, которое затаилось в снегу, подкарауливает, ждет жертву. Стреляю в извилистые ветви, не стреляется, так и есть, патроны кончились, я и не заметил. Вонзаю в дерево ножичек, режу, все, что мне остается – резать, вонзать нож, глубже, глубже, ветка отламывается с омерзительным хрустом.

Перевожу дух.

В моем лесу таких деревьев точно не будет. Ни за что. У меня будет сказочный лес, где будут отмечать середину лета. Бабушка испечет пирог. Снутти и Уснутти будут помогать. И еле-еле дождутся захода солнца. Когда начнется празднество, и мама наденет свое лучшее платье, и дедушка выйдет на крыльцо, сядет в кресло и закурит трубку. И папа отпросится с работы пораньше...

...кстати, кем у них папа работает? Не может быть, чтобы он не работал. У меня лес, конечно, сказочный и вымышленный, но не до такой степени. Это папа один всю семью тянет... Да, тяжело... или мама тоже работает... или у них сад-огород, они этим и живут... нет, не пойдет. У папы с мамой ответственная работа, они... гхм... пасут звезды по ночам, чтобы не разбегались. Или нет. Они за порядком в лесу

следят. Типа полиции...

...в такую ночь в лесу точно не случится ничего плохого. И все будут петь сказочные песни сказочного леса, и устроят торжественное шествие. С фонариками. Маленькая фея будет играть на свирели, безумный дядюшка сыграет на скрипке... Папа с мамой ровно в полночь зажгут луну. Работа у них такая. И все захлопают в ладоши...

Поскальзываюсь, с размаху падаю в снег, а-а-ах чер-р-р-рт... Нет, в моем лесу не будет снега. Никогда. И плевать, что кто-то любит лыжи, санки и всё такое. Я не люблю. Терпеть ненавижу. У меня люди не будут замерзать в лесу. И никто не будет вешать объявления «Требуются разнорабочие», а когда приходишь по объявлению, тебя только что с цветами не встречают, берем-берем-берем, зарплата миллион, работа непыльная, ну пошли, выпьем за удачу, и чокаемся, и пьем, а потом просыпаешься в кандалах, в ледяном вагоне, в котором везут тебя за тридевять земель в темный лес...

Вот у меня такого в лесу не будет. И никто не будет гробиться на рудниках посреди тайги. И никому не придется делать дыру в стене из колючей проволоки, обирать руки в кровь, и бежать в тайгу, как только стемнеет. У меня никто не будет делить остатки скудных припасов на день, на два, на неделю, на вечность... У меня даже воевать никто ни с кем не будет, я еще хотел придумать, что в сентябре в лес

осень придет, и отец Снутти и Уснутти с ней будет сражаться, чтобы злая осень всех не заморозила, и отец будет ранен в битве с осенью, а впереди еще битва с Зимой. И Снутти и Уснутти должны будут сами сражаться с Зимой и прогнать зиму. Чтобы в лесу было вечное лето.

Вот я теперь думаю, что у меня и этого всего не будет. И Осень будет добрая, ласковая. И Зима тоже будет добрая, придет ненадолго, под Рождество, ну чтобы зимние праздники отметить, и сразу весна.

Лес наваливается, оплетает, опутывает, не отпускает. Взмахиваю ножом, еще, еще, еще, лес не отступает, сжимает горло всё сильнее.

Скрип снега.

Шаги.

Поднимаю голову, ба, знакомые все лица, даже голос звучит в памяти – молодец, парень, далеко пойдешь, давай отметим, что ли... Да не бойся, хорошее винишко, легко пьется... завтра же еще не на работу...

Хозяин спускает крючок.

Отворачивается, не может видеть, как голова беглеца разлетается вдребезги.

Сколько живет, столько не может видеть.

Подходит к убитому. Деревья тянутся к хозяину, он добивает их несколькими выстрелами.

Расстегивает робу беглеца, ножичком рассекает грудь, вынимает хрустальный шар, в котором мерцает волшебный лес. Вырос.

Хозяин довольно кивает, садится в сани, хлещет зимнюю вьюгу, вьюга несет хозяина к рудникам. Лес пугливо расступается, пугливо смотрит на ружье в руках хозяина. Сани въезжают в ворота, работяги падают на колени перед спешащими санями.

Хозяин заходит домой, кладет лес на полку, на свободное место. Свободного места не так уж и много осталось, пора новый шкафчик обустраивать. Еще раз смотрит на лес в шаре, прекрасный лес, умеют же делать. Только напрасно он отказался от идеи с Осенью и Зимой. То, что надо. сражение с Зимой, когда отец изранен после битвы с Осенью. Потом братья эти... как их там по имени... неважно... теряют сознание, приходят в себя уже дома, в кроватях, в Сочельник, в канун Рождества. Зиму победили, Зима присмирела, добрая стала, ласковая. Дома пироги пекут, гуся рождественского, елку ставят, а ещё о подарках надо позаботиться...

Вот теперь хороший лес получился.

Входит слуга, ставит на стол ужин. Хозяин не оборачивается, смотрит в окно, в холод зимы, оценивает пленных. Этих недавно привезли, с этих взять нечего. Эти вон давно здесь, угасли уже, не оживишь. А вот парень, вот еще парень – эти да, у этих есть что взять, смотрят на ледяное безмолвие, представляют себе какой-то другой лес, хороший

лес, где работать не заставляют, и снега нет, и зимы нет, и всё-всё хорошо...

Вон тот вроде почти придумал лес. Почти-почти...

Хозяин окликает слугу:

– Вон того мне приведи... что ты на меня уставился, номер отсюда прочитывать не можешь? Так сто сорок четвертый... эх ты... глаз-алмаз...

Чуднодурый

– Не... не убивайте...

Ружья направлены на меня.

– Кто такой?

– Не убивайте.

– Да кто вы такой?

Слышу, что спрашивают, чувствую, что не могу ответить. Совсем. Нет сил отвечать, нет сил понимать, что вообще происходит, вертится, вертится в голове – не убивайте.

Поднимаю руки.

– Да оставьте, не понимает он ничоси...

Говорят по-нашему. Но с акцентом, мне не известным. И кое-какие слова говорят по-другому, ничоси вместо ничего.

Думаю, сколько я шел. Вечность. Две. Миллион вечностей. Бесконечное число вечностей. Да, наверное, так.

Кто-то подхватывает меня под руки, поднимает на ноги, ведет к пограничной заставе, кто-то бормочет, да вы его к себе-то не прижимайте, вишь, кашляет, еще чахоточный какой-нибудь...

Понимаю, что не могу держать ложку, кто-то поддерживает мою руку, чувствую, что краснею, еще пытаюсь выговорить – я сам, я сам, мой голос меня не слушается.

Глотаю.

Еще глотаю.

Даже не ощущаю вкуса.

Тянусь к тарелке, еще, еще, кто-то отталкивает меня, нельзя тебе много сразу, в изнеможении падаю на подушки.

– Да я сам...

– Чего ты сам, на ногах не держишься! – Авдей хватает меня подмышки, ведет к кровати, – ты погоди... подлечишься... там и будешь сам... Откуда такой взялся-то?

– А-а-а... – машу рукой в сторону севера.

– Это-то понятно, что оттуда приполз... а раньше где жил?

– В Рукинске.

– Это где такое?

– На севере...

– Оно понятно... а ушёл оттуда чего?

– Так там... камня на камне не осталось.

– А что такое? Война?

– Не... там другое.

Авдей не спрашивает, что другое.

Понимает.

Ветер стучит в окно, бросает капли дождя. Сжимается сердце, так и кажется, что что-то с севера приближается сюда.

– Ты чего, сегодня всё блеснуть должно, – говорит Авдей.

Авдей говорит не должно, а должно, здесь все так говорят. До сих пор не могу привыкнуть, вроде уже полгода живу...

– День рождения у кого-то?

– К-а-акой день рождения, гости сегодня!

Авдей говорит Гости так, что сразу понимаю, будет что-то грандиозное. Вон и хозяйева хлопочут, отдают распоряжения, вон и слуги тащат на газон перед домом стол, накрывают, расставляют приборы, кто-то в спешке несет зонтики, вы стол-то прикройте, а то с утра тучки были...

Хлопочу вместе со всеми, волнуюсь, чтобы все было честь по чести, натираю полы до блеска, Авдей подмигивает, молодца, парень, там и в люди выбьешься, домик себе построишь, огород разведешь... женим тебя... вон у Акулины дочка на выданье, она про тебя спрашивала...

На душе теплеет.

Только сейчас начинаю понимать, что всё обошлось. Живой. Живой...

– Хорош, парень, хва уже, скидывай лохмотья свои, одевайся давай, гости едут...

И крики со всех сторон:

– Гости! Гости!

Наскоро отмываю лицо и руки. Надеваю костюм с галстуком, сто лет не носил.

Выстраиваемся в саду перед домом, в первом ряду хозяйева, – муж, жена, три дочери, тетушка незамужняя, чуть

поодаль слуги – мы с Авдеем, кухарка, горничные, дворецкий...

Хлопанье крыльев.

Там, в небе.

Прислушиваюсь – понимаю, что такого я не слышал никогда. В птицах я хорошо разбираюсь, но птицы таких размеров, это новенькое что-то.

Небо темнеет.

Не понимаю, почему все стоят и не двигаются, я бы на их месте уже разбежался, кто куда.

Не разбегаются.

Хлопают в ладоши, делать нечего, я тоже вместе со всеми хлопаю в ладоши.

Смотрю, как на пустырь перед нашим домом опускаются дома.

Один. Два.

Четыре.

Дома складывают перепончатые крылья, открывают двери, выпускают своих жильцов.

Не удивляюсь.

Приказываю себе не удивляться.

– Нравится?

Вздрагиваю. Ловлю себя на том, что уже несколько минут смотрю на дом, не на дом – на настоящий замок, белоснежный, с башенками, лесенками, витражами в окнах...

Мой хозяин кладет мне руку на плечо:

– Нравится?

– Еще как...

– Это губернатора дом.

С трудом нахожу слова:

– Очень... очень красиво.

– Ты давай, парень, потихоньку обустраивайся... вижу же, голова куда надо вставлена... вон, племяннику моему секретарь нужен... в магазине... так, потихоньку, и свою лавочку откроешь... и дом купишь...

Слово Дом хозяин говорит с придыханием, видно, что дом здесь для людей, это святое...

Спрашиваю:

– Этот?

– Ка-а-кой этот, этот знаешь, сколько стоит? Ну... а может, и этот, кто тебя знает... может... миллионером станешь!

Хозяин хохочет, хлопает меня по плечу...

ПРОДАЕТСЯ

Замедляю шаг.

Возвращаюсь.

Снова прохожу мимо белоснежного красавца (это я про дом губернатора), читаю:

ПРОДАЕТСЯ

Отчаянно прикидываю свои доходы. Странное дело, только что чувствовал себя едва ли не миллионером, секретарь

в магазине – это же почти Президент Планеты, так мне казалось, и тут же понимаю, что ничегошеньки я за эти три месяца толком не заработал.

Всё-таки толкаю калитку, всё-таки осторожно просачиваюсь к черному ходу. Дворецкий вопросительно смотрит на меня.

Осторожно начинаю:

Вечер добрый.

– Добрый. Вы, я слышал, в люди выбились? Молодец, большому кораблю большое плавание... я вот вас в пример сыну своему ставлю... ничего не хочет парень, хоть убей...

Откашливаюсь:

– Я, собственно... по поводу дома.

– Дома?

– Да... этот дом продается?

– Верно, верно... Видите как, хозяин себе дом получше присмотрел...

– Ну, я не верю, что где-то есть дом лучше... а за сколько продает?

Дворецкий называет цену.

Давлюсь собственным голосом.

– Будете покупать?

– М-м-м-м... подумаю.

– Если что, хозяин скидку готов сделать.

– Оч-чень хорошо... буду... буду иметь в виду.

Откланиваюсь.

Проклинаю себя, что спросил.

– А ты почему из дома ушел?

Это Ника, дочка Акулинкина. Обнимает, заглядывает в глаза:

– А почему из дома ушел?

– С тобой встретиться, почему...

– Да нет... оттуда... где родился.

Вздрагиваю. Вспоминается то, о чем предпочел бы не вспоминать.

– Говорю тебе... там это... страшное.

Страшное говорю шепотом. Ника все равно вздрагивает.

– Чего говоришь-то такое...

– Сама спросила.

– А ты почему живой остался?

– По кочану. Да по капусте. А ты хочешь, чтобы я помер там, да?

– Не-е...

– А не-е-е, так и радуйся.

Обнимает. Целует. Вот к чему привыкнуть не могу, так вот к этому, что девчонки здесь сами тебе на шею вешаются. У нас дома из кожи вон вылезти надо было, чтобы девушка на тебя посмотрела, если дома своего нет, считай, не жених. А тут...

– Нет, правда, а почему ты спасся? Ну честно-честно, никому не скажу!

– А чтобы с тобой встретиться. Вот Страшное пришло, а я ему сказал, как же ты меня заберешь, а я Нику не увижу?

– Ах ты!

Смеется.

Обнимает, целует, понимаю – целоваться не умеет, семнадцать лет, а туда же...

Надо спать.

И не спится.

Вспоминаю Нику, еще стараюсь считать, сколько надо проработать, чтобы домик прикупить маленький, зажатый между другими домами на маленькой улочке. Не думается, в голову лезет другое, то, что давно хочу выкинуть из головы.

А почему ты спасся?

По кочану.

Да по капусте.

– ...сильнее закручивай. Еще сильнее...

Закручиваю. Сильнее.

– Да куда ты сильно так, сломаешь же!

Окончательно теряюсь. Мастер берет мои руки в свои руки, сжимает мои пальцы, закручивает гайку.

– Вот так. Чуешь?

– Ага.

– Молодец...

– Оглядываю ряды самолетов.

– А... можно вопрос?

– Нужно.

– А... самолетов-то на всех не хватит...

– Ясное дело, не хватит, ты как хотел.

– А... а что с теми будет... кто на самолеты не успеет?

– Что значит, не успеет, самолеты, брат, не для всех...

женщинам, детям...

– А... а мы?

– Чего мы... сапожник без сапог, сам знаешь...

Холодеет спина.

Начинаю понимать.

Смотрю на север, откуда – я это знаю – где-то там далеко-далеко надвигается Страшное.

Страшное.

Просыпаюсь, чувствую – оно здесь, оно совсем рядом, оно уже подбирается к городу, где я родился и вырос. Понимаю, что сейчас нужно звонить в колокол, долго, громко звонить в колокол, будить город, чтобы рассаживались по самолетам, кто успе... а-аа-а, нет, не кто успеет, а по билетам, по билетам, сначала женщины и дети, а там уже кто останется...

Выбираюсь из крохотной спаленки, поднимаюсь на крышу, где ждут крылатые машины.

Рвет и мечет бешеный ветер, приближается к городу.

Забираюсь в кабину.

Завожу мотор.

Чувствую, как бешено колотится сердце.

Мир уходит куда-то вниз, вниз, вниз, поднимаюсь навстречу полуночи...

– ...вай!

А?

Вставай, говорю!

Оторопело смотрю на Авдея, откуда здесь Авдей, вроде уже полгода как переехал из комнатенки, где ютился с Авдеем...

– А чего случилось?

– Чего-чего, дом-то ты купить хотел?

– Ну... так это поднакопить надо...

– Чего поднакопить, за десятку продают дом этот!

– К-какой дом?

– Какой-какой, губернаторов, какой...

– Э... как? Почему?

Подскакиваю на постели, смотрю на календарь, а-а-а, вот оно что...

– Первое апреля, никому не верю, так да?

– Тьфу ты, долбаный ты на хрен, говорю тебе, за десятку дом продают! Не веришь, сам беги, посмотри! Да живее беги, а то купит кто!

Бегу. Живее. Одеваюсь второпях. И понимаю, что розыгрыш, не может такое дело не быть розыгрышем, а ничего с собой поделывать не могу. На бегу думаю, как бы отомстить

Авдею, как бы пошутить над ним, чтобы тоже вот так же вот по городу с вытаращенными глазами бегал.

Бегу к дому. Не вижу напиральной толпы покупателей, не вижу хозяина у входа, ни-че-го.

Так я и думал.

Разыграли.

Тьфу.

Всё-таки вхожу в калитку, просачиваюсь с черного хода.

– Утро доброе.

Дворецкий кивает мне.

– Доброе.

– Я... э-э-э... говорят, за десятку дом продают.

– Верно, верно. Желаете купить?

Сердце сжимается.

– Желая.

– Я бы вам не советовал.

– А что?

– Ну, сами посудите, зачем вам такой дом?

– А... а что?

– Молодой человек, я все понимаю, по молодости всё и сразу хочется... у меня сын вот такой же... весь в вас... только вы поймите, дом-то хороший выбирать надо... а не абы что... знаю я такого, нахватал домов, один другого хуже, теперь вообще не знает, чего с ними делать...

Вздрагиваю.

– Чем это он хуже?

– А-а-а, так вы не знаете еще?

– Похоже, что нет. А что такое?

– Что-что, крыло у него сломано.

– Только-то?

– Чего только-то, лекарь сказал, не починить. Не будет летать, понимаете?

– Понимаю. Но всё равно... беру.

– Эх, молодой человек... дело-то ваше, конечно... правильно говорят, молодежь учить, только время тратить... они только на своих ошибках учатся...

– Не, на хрена ты этот дом-то купил, ты мне скажи, а? тебе других домов мало, а? не-е-е, я знал бы, что дом-то никакой, в жизни бы не посоветовал...

Это Авдей. Киваю. Бормочу что-то, что спасибо, конечно, за совет, только жить мне, а не Авдею, и дом покупать тоже мне...

– Ну, хорошо... а нормальный дом когда покупать собираешься?

Оторопело смотрю на Нику. Похоже, рехнулась барышня, вот так, ни рожи ни кожи, а изволь к её ножам по десять домов сразу положить...

– А этот тебе чем не нравится?

– Чем-чем, крыло перебито, не видишь, что ли?

– И чего? Слушай, ну чего прицепилась к крылу-то,

не крыши же нет?

– Слушай, ты серьезно чуднодурый, или притворяешься?

Здесь не говорят дурной, говорят – чуднодурый.

Хлопает дверью.

Уходит.

Остаюсь наедине с домом, со своим домом, с белыми лестницами и камином в большом зале...

Дома вспархивают, делают хороший круг, снова опускаются на холмы.

Аплодисменты.

Хлопаю вместе со всеми.

– Здорово полетели, – кивает Авдей.

Отвечаю:

– Здорово.

Добавляю чуть погодя:

– Свой дом выпустить так не смогу... не полетит.

– Еще бы он полетел... Ты давай себе нормальный дом-то присматривай... с крыльями. Осень-то уже вовсю.

Пытаюсь отшутиться:

– На юг, что ли, зимой в домах полетим?

– Чего зимой, уже сейчас лететь надо... вон, на крыло встанут... и вперед...

– А... а мой дом?

– Чего твой дом, раньше башкой своей думать надо было, когда покупал! Дом ему... не, понятно, по молодости-то охо-

та дом свой... вот теперь и останешься... бесприютным...
счас знаешь как цены на дома подскочат, мало не покажет-
ся...

– Нет, а с домом-то что станет?

– Что, что... страшное заберет...

– А что, у вас тут каждый год по осени...

Хочу сказать – страшное, не договариваю.

Снег.

Еще не настоящий снег, еще такой, маленький, который
только-только пробует свои силы. Но все-таки снег.

Мой дом неуклюже вспархивает, тут же падает с жалоб-
ным дребезжанием. Думаю, как бы его связать, чтобы не пур-
хался, а то вообще расшибется.

Снег.

Холодает. Думаю, что надо раздобыть где-нибудь дрови-
шек. И растопить камин. Или нет, драпать нужно отсюда.
Весь вопрос, куда. И как.

Отсюда, со склона холма видно, как город становится
на крыло, вспархивает, отправляется в путь. У меня сжима-
ется сердце, лихорадочно соображаю, надо бежать, надо ле-
теть отсюда, понять бы еще, как бежать, как лететь...

Меня окликают по имени.

Узнаю голос Ники. Ага, вернулась-таки, сменила гнев
на милость...

– Слушай, я тебя обыскалась! Пошли давай!

– К-куда пошли?

– Куда-куда, домой, куда... горе ты моё...

На душе теплеет, обнимаю Нику, родную, милую, любимую, Ника уводит меня от дома...

От дома.

Оборачиваюсь.

Смотрю на дом, белоснежный, с башенками и лестницами, с камином в большом зале.

– Останемся.

– Сдурел?

– Останемся. В доме...

Уже знаю, что она скажет:

– Чуднодурый.

И она говорит:

– Чуднодурый.

...развожу огонь в камине.

Прислушиваюсь к вою ветра за окном.

Страшное еще далеко. Я чувствую, что оно далеко.

По крайней мере, пока.

Дом вздрагивает под порывами ветра, ёжится. Думаю, что надо бы укрыть его пледом.

Выхожу на крыльцо.

Смотрю на север, откуда далеко-далеко идет Страшное.

Пока еще оно далеко.

Вскидываю ружье.

Проверяю патроны.

Жду.

Меж двух книг

Природа, от природы щедрая и добрая, жестоко обделила меня внешностью – как будто не просто поскупилась на красивое лицо и складное тело, но как будто жестоко посмеялась надо мной. Там, где у всех милые хоботки, у меня на лице короткий треугольный нарост с двумя отверстиями внизу. Тело всех нормальных людей покрыто приятными на ощупь чешуями, тогда как мое тело гладкое и розоватое, как у новорожденного крысёнка. Более того – страшно сказать – у меня нет хвоста. Когда я иду, у меня не получается смешно подпрыгивать при ходьбе, как у других. Дело в том, что мои колени загнуты не назад, а вперед. С самого детства мне приходилось прикрывать своё тело всевозможными балахонами, чтобы спрятать своё уродство.

И всё бы ничего, – в конце концов, мало ли какие бывают уродства – но природа посмеялась надо мной вдвойне и наделила меня еще и невыносимым характером. Я просто физически не мог познакомиться с кем-нибудь так, как того требовали обычаи. Нет, обнюхаться с незнакомцем у меня еще получалось, и получалось произнести свое имя задом наперед, как того требовали обряды. Но жестоко подраться с противником я уже не мог.

Нет, не подумайте, что я трус, и боялся драться: однажды мне пришлось выстоять одному против четверых. Но я

не понимал, почему знакомство с кем-то приходится начинать с жестокой драки, ведь мы собираемся не враждовать, а дружить. Кроме того, я не понимал обычая откусывать друзьям кончик уха. Во-первых, это больно. Во-вторых, я не понимал, почему кому-то надо было делать больно.

Моя мачеха спрашивала меня, когда я женюсь, и у меня не хватало смелости честно ответить – никогда. Потому что мне становилось не по себе при одной мысли, что придется принести кого-то из друзей в жертву любимой девушке. И дело даже не в том, что у меня не было друзей. А в том, что у меня бы рука не поднялась убить кого-то даже ради любимой девушки.

Весной прошлого года мы переехали в Крата-Харр – здесь мне нравилось больше, чем в безымянной деревушке, где прошло мое детство. Тут, по крайней мере, никому и в голову бы не пришло нападать на кого-то только потому, что у него не такая кожа или шерсть на голове. Здесь свою неприязнь ко мне проявляли более тактично – как только я подходил к ним, они сворачивали разговор.

С детства я мечтал, что найдутся мои настоящие родители – они будут такие же, как я. и увезут меня куда-нибудь, где все будет такими же, как я. В детстве я еще верил в это почти искренне, но по мере того, как я вырос, я всё больше понимал, что мои мечты так и останутся мечтами.

Так было до того вечера, когда произошло два события, которые навсегда перевернули мою жизнь. Все началось с то-

го, что старый флюгер на городской ратуше прокричал, что будет буря. Этот старый флюгер не только показывал направление ветра, но и предупреждал о непогоде.

Так случилось и в этот раз – флюгер прокричал, что будет буря, и уличные торговцы кинулись закрывать свои лавочки. Воскресная толпа моментально рассеялась, все поспешили домой. На углу улицы расфранченная дама громко звала своих детей и обещала каждому надрать уши.

Я тоже поспешил домой – попасть в бурю мне несколько не хотелось. Я так волновался, что даже не сразу понял, что кто-то одергивает меня за рукав.

– Прошу вас...

– А?

– Прошу вас... помогите... пожалуйста.

Я обернулся и увидел девушку, настолько милостивую, что даже не поверил своим глазам. Я не понимал, как такое прелестное создание может заговорить с таким чудовищем, как я.

– А что... случилось?

– Вот, возьмите... – она протянула мне сверток, в котором было что-то тяжелое и металлическое, – сохраните это... пожалуйста!

Тем временем я уже почти дошел до дома, но тут спохватился:

– Вы... вам есть где укрыться от бури?

– Обо мне не беспокойтесь, только сохраните это... пожа-

луйста... очень вас прошу!

Я хотел сказать ей, что в такую ночь нельзя оставаться на улице, но не успел – налетевший порыв ветра подхватил девушку и унес её куда-то в темноту ночи. Тот же ветер унёс бы и меня, если бы чья-то мощная лапа не схватила меня за шиворот и не втащила в дом. Я узнал отчима и поблагодарил его за спасение жизни, но тут же спохватился, что надо спасти и девушку.

– Мы ей уже ничем не поможем, – отозвался отчим, – будем надеяться, что она не погибнет. А что это ты принес?

Вместо ответа я развернул сверток – в нем оказался предмет настолько странный, что я даже не мог предположить, что это было. Сначала мне показалось, что это плоская шкапулка, но когда я раскрыл её, то увидел на одной стороне шкапулки зеркало, а на другой плитку из квадратиков с непонятными знаками.

– Что это? – спросил меня отчим, – откуда ты это взял?

– Это дала мне она... девушка...

– Невероятно... что же... думаю, пришло время рассказать тебе о том, кто ты, и откуда ты появился...

Мне стало не по себе. Я ждал этого момента, но в то же время боялся его, и почувствовал, что хочу пробыть в неведении еще год или два.

Отчим положил передо мной на стол две книги. Я потянулся к ним, но отчим погрозил пальцем.

– Постой. Скажи мне, что ты хочешь услышать – то, что

где-то живут такие же, как ты, или то, что твои мечты о тебе подобных – не более, чем детские фантазии?

– Я хочу узнать правду, – ответил я.

– Правды нет, правда будет такая, какую выберешь ты, – отчим взял у меня из рук плоскую шкатулку, – как ты думаешь, что это?

– М-м-м... не знаю.

– Я знаю, что ты не знаешь, а как ты думаешь?

– Гхм... шкатулка... с зеркалом.

– Признайся, Тэмми, ты думаешь совсем другое.

– Да. Я думаю... здесь какая-то тайна. Связанная с моим рождением.

– Верно, тайна. Зеркало на этой шкатулке может показать тебе правду о великом народе, к которому ты принадлежишь, о народе, которого больше нет. А может оказаться обычным зеркалом.

– Я хочу правду.

– Правду о народе, некогда населявшем нашу землю?

– Да.

– А что ты думаешь о той девушке?

– Я надеюсь, что она не погибла.

– Не беспокойся, она жива. По крайней мере, пока. Она успела ухватиться за шпиль высокой башни и заночевала в гостинице.

– Хвала небесам, – сказал я. И только тогда спохватился, откуда отец это знает.

– Я имел в виду другое: что ты думаешь об этой девушке?
Кто она?

– Мне кажется, милое создание.

– Милое создание, которое стало жертвой какой-то интриги? Или коварная обольстительница, которая плетет козни?

– Дорогой отчим, я понял ваш намек. Вы советуете мне не делать поспешных выводов и присмотреться к той, которую я уже мысленно назвал своей избранницей.

– Нет, я не это имел в виду. Я прошу тебя выбрать, кем ты хочешь видеть эту девушку – юной прелестницей или коварной змеей?

– Конечно же, первое.

– Но в таком случае все твои мечты найти себе подобных останутся мечтами, – отчим показал на первую книгу, – тебе придется многое пережить, чтобы спасти девушку от тех, кто её преследует... и чтобы сохранить её фамильный артефакт. По пути тебя неоднократно будут одолевать сомнения, правда ли она та, за кого себя выдает... но твое сердце будет мудрым и не позволит одурманить твой разум.

– Но... я хочу встретиться... с такими же, как я.

– Это невозможно. Ни в одной из реальностей. Но есть вариант, где ты найдешь остатки цивилизации своего народа... передашь нам мудрость своих предков... Ты столкнешься с непониманием и одиночеством, только через много лет после твоей смерти наш народ поймет, как много ты сделал для нас...

– А девушка?

– Она окажется коварной... весьма коварной. Ты до последнего не будешь верить, что она делает все, чтобы уничтожить тебя и память о твоём народе. Твое сердце будет слепо и не станет верить доводам разума. Только в самом конце истории ты поймешь, что та, которую ты любил, была твоим злейшим врагом.

– А... что с ней будет потом?

– Она умрет. Ты убьёшь её.

– Нет... я не хочу так...

– Значит, ты выбираешь первый путь...

– Нет... – я в отчаянии посмотрел на обе книги, – а... можно как-нибудь...

– ...и то, и другое? – договорил отчим, – нет. Ты должен выбрать что-то одно.

Он протянул мне обе книги. Я открыл одну из них наугад, тут же ощутил запоздалый ужасок, – а вдруг я уже сделал свой выбор. Но нет, ничего не произошло, я изумленно уставился на пустые страницы.

– Здесь... ничего нет.

– Пока ничего нет. Твоя история еще не написана.

Я открыл вторую книгу – там было то же самое.

– Что же... думаю, всё можно исправить.

С этими словами я взял перо, обмакнул его в чернильницу и попытался написать на странице несколько строчек. К моему изумлению у меня ничего не получилось.

– Говорю тебе – твоя история еще не написана.

Новый порыв ветра потряс дом. Я вздрогнул. Мне стало не по себе, только сейчас я почувствовал, с какими неведомыми доселе силами я столкнулся.

– Что же... – сказал я чуть погодя, – дорогой отчим, большое спасибо, что рассказали мне всё это... про две истории, из которых нужно выбрать... Однако обещаю вам, что свою историю я напишу сам.

Закон тринадцатого удара

– Лэндн... из зе кэпитэл оф Грэйт Бритиш.

– Да будет тебе, заладил, – бормочет Нинка. Бормочет так, добродушно, еще бы не добродушно, в кои-то веки выбрались. Да не куда-нибудь выбрались, в Египет там какой-нибудь, на берег турецкий, а...

Да.

– День добрый! Как доехали?

Гид в цилиндре выходит навстречу, улыбается во все тридцать два, или сколько их у него там, у Шаряева вот то ли тридцать третий, то ли тридцать какой лезет, Шаряев еще думал, косточка какая в десне застряла, а нет, зуб. И криво как-то вырос, то ли удалять его, то ли что, да всё недосуг, сейчас вон, полетели в Лэндн, который из зе кэпитэл оф Грэйт Бритиш...

– Файн, тэнкс.

Это Шаряев. Нинка шикает, ты лучше по-русски говори, тебя быстрее поймут с произношением твоим. Шаряев сжимает зубы, придушил бы он эту Нинку, голыми руками бы придушил. Ну да ничего, не надо никого душить, держись, Шаряев, домой вернется, и на развод, и гори оно все синим пламенем...

– Приглашаю вас на обзорную экскурсию по Лондону...

Шаряев переглядывается с Нинкой, пошли, что ли, ну по-

шли, посмотрим, что за Лондон такой...

Много, много птичек
Запекли в пирог
Семьдесят синичек,
Сорок семь сорок...

– Скажите, пожалуйста, в чём секрет вашего успеха?

Шаряев загадочно улыбается.

– Ну а вы сами-то как думаете?

Журналистка смущается.

– Даже не знаю...

– А что тут не знать... всё очень просто. Я работал. Долго и упорно работал. Вы поймите правильно, не существует каких-то чудесных таблеток, волшебных палочек, заклинаний, тайных масонских знаний и прочего. Чтобы добиться успеха, надо работать.

– Прошу прощения... – журналистка смущается, – можно вопрос?

– Пожалуйста.

– Ходят слухи... что вы добились своего богатства... гхм...

– Смелее.

– Не... не совсем честными...

Журналистка краснеет. Шаряев смеется.

– Еще одна отговорка тех, кто не может заработать сам. Правильно, кто признает себя неудачником? Чем признаться

себе, что ты лентяй и тупица, лучше сказать, что твой сосед разбогател, потому что кого-то ограбил. Или, еще чего хуже, продал душу дьяволу.

Смех в зале.

– Что смеетесь, а я слышал и не такие версии происхождения моего богатства... Беда в том, что люди в наше время разучились работать...

Тетя Тротт и кошка
Сели у окошка,
Сели рядом вечером
Поболтать немножко...

– Чешир! Чешир вылез!

Это Нинка кричит, бежит по улице, где над площадью высунулась усатая морда Чеширского кота, люди достают телефоны, щелкают, Шаряев пытается утихомирить супругу, да не кричи ты, кота спугнешь. Гид снова улыбается во все тридцать два или сколько у него их там, кивает, ничего, он у нас привык...

Нинка кормит Чешира с руки сухариками, Нинка, полная, дородная, да разве на такой Шаряев женился...

Шаряев прислоняется к стене.

Вспоминает.

Шалтай-Болтай
Сидел на стене,

Шалтай-Болтай
Свалился во сне...

Шаряев оглядывается.

Никого нет.

Да и кто будет здесь, в захолустье в поздний час. Вроде никого не должно быть, разве что высунется из кустов лохматая рожа, м-м-мил-л-лч-ч-ч-ч-ек-р-р-у-б-л-ля-н-н-не-б-б-б-будет?

Нет.

Никого нет.

Шаряев рисует на перекрестке пентаграмму, зажигает свечу.

Колет себе руку, темные капли падают в середину пентаграммы, Шаряев думает, правильно ли делает, тут, может, глубже резать надо, только если глубже резать, так можно потом и до больницы не добежать.

Шаряев ждет.

Играет кот на скрипке,
На блюде пляшут рыбки,
Корова забралась на небеса...

– Ты чего, заснул?

Это Нинка. Шаряев стряхивает с себя воспоминания, оглядывается, где он, кто он, а вот, в ресторане Хаккасан, Нинка поправляет, да не Хаккасан, Хэкесен, Хэкесен, Ша-

ряев отмахивается, какая разница.

Блики на стенах.

Полумрак зала.

Что-то мелькает за решетчатыми стенами, не пойми, что. Шаряев смотрит меню, утка по-пекински, утка по-пекински на блине, жасминовый чай курил органические свиные ребрышки, это еще что... Да, постарались переводчики. Шаряев пытается представить себе чай, не может, почему-то сразу видится гусеница, которая курит кальян. Нинка жрет, куда столько можно жрать, ладно, жри, жри, черт с тобой, Шаряев в следующий раз с какой-нибудь юной ланью сюда поедет, с Анжелой той же самой, только про Анжелу молчок, про то Нинке знать не надо...

Знаешь буквы а-бэ-це?

Сидит кошка на крыльце...

...снова наваливается нестерпимая боль, Шаряев сжимает голову в ладонях. Хочется кричать – пусти-пусти-пусти, только если так закричать, он уйдет.

Этот смотрит в душу. Холодно, пристально. Кивает.

– Хорошо. Всё будет исполнено.

Шаряев не верит себе, неужели вот так просто, звездочку на земле нарисовал, вызвал, попросил, и на тебе, денег до фига, хоть сейчас иди, дом покупай, хоть сейчас иди, джип покупай, что там еще хотел... Нет, не бывает так, дол-

жен он что-то потребовать взамен, должен...

Шаряев спохватывается:

– А... срок договора какой?

– Я заберу тебя с тринадцатым ударом часов.

– Э-э-э... с двенадцатым?

– С тринадцатым.

– Но... так не бывает.

Этот в ответ фыркает, отвечает что-то вроде – не бывает, так не бывает...

Дуйте, дуйте ветры в поле,

Чтобы мельницы мололи...

– ...а мы с вами подходим к домам, построенным еще в шестнадцатом веке. Эти дома особо охраняются государством, создан городской заповедник домов.

Шаряев оживляется:

– Заповедник?

– Ну да. Охота на дома строжайше запрещена, карается законом...

Нинка хлопчет, ой, ты погляди, красотища-то какая, слушай, мы этот дом себе купим, и жить будем. Шаряев пытается утихомирить супругу, слышала, что сказано было, дома охраняются... Нинка обижается, ну м-и-и-и-ленький, ну хочу-хочу-хочу, Шаряев разводит руками, а я что могу сделать, я еще земной шар целиком не купил, чтобы законы

свои устанавливать...

Ничего.

В следующий раз Шаряев сюда с Анжелой поедет. Или с Эллой. Которой колечко с сапфиром купишь, и Элла за тобой хоть на край света поедет.

– Дамы и господа, мы можем обойти этот маленький городок по стене, только будьте осторожны, чтобы не свалить спящего Шалтая-Болтая...

Шаряев идет по стене чуть позади от Нинки, слушает гида, разглядывает домики, и правда как игрушечные, тут бы посмотреть и радоваться, что в кои-то веки в Англию вырвались, только как-то не получается радоваться...

– Френч?

– А? – Шаряев оторопело смотрит на юркого господинчика.

– Рюсский?

– А-а-а... да... Йес, то есть...

– Господин не желает сувенир?

Шаряев хочет сказать, что с сувенирами это не к нему, это вон, к Нинке, она у вас всё купит и ещё добавки попросит. Нинка уже ухлестала на какую-то башню какого-то Чарльза, ух Шаряев задаст этому Чарльзу, пусть только посмеет у него Нинку увести.

– И что вы предлагаете?

– Вот... дом.

Господинчик показывает ключ от дома, ключ старинный,

красивый, тут за один такой ключ целое состояние выложить не жалко.

– Дом?

– Да. Удивительный экземпляр, шестнадцатый век... Показать вам?

– Гхм... ну пойдёмте.

Шаряев спускается со стены по крутой лестнице, оторопело смотрит на уютный домик, запутавшийся в силках.

– Вот... всего три миллиона фунтов, сэр...

Шаряев вспоминает про заповедник:

– Так это же... охраняется... законом...

– Прекрасный дом, поймать его стоило огромных трудов... Они очень осторожны, их следует приманивать старинными легендами и мифами...

Шаряев все понимает.

– Очень хороший дом. Беру.

Выписывает чек.

– О, вы так щедры, сэр...

Шаряев спешит туда, где остались гид, и Нинка, ведёт стреноженный дом в уздечке, дом пугается, фыркает, трясёт башенками.

– Я уж думала, тебя нечистая сила забрала!

Это Нинка кричит.

Шаряев кивает Нинке, уймись уже, еще не весь Лондон тебя слышал, бежит к полицейскому, показывает на дом, на фото браконьера в телефоне, повторяет – браконьер, бра-

коньер, ё-моё, как по-английски будет браконьер, или у них вообще нет такого слова... Переводчика мне сюда кто-нибудь, полцарства за переводчика...

Дама Червей напекла кренделей
В летний погожий денёк.
Валет Червей был всех умней
И семь кренделей уволок...

– ...полиция выносит вам большую благодарность за помощь в раскрытии...

С плененного дома снимают уздечку, дом радостно бежит обратно в стадо, Нинка с легкой грустью смотрит вслед. Шаряев с ненавистью косится на Нинку, ляпнула тоже, нечистая сила забрала, как только додумалась...

Скажу вам честное слово:
Вчера в половине шестого
Я встретил двух свинок
Без шляп и ботинок...

Бой часов.

Прямо над головой.

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Сердце замирает.

Шаряев ждет. Ну же, ну... быть того не может, и все-таки – ждет...

Тишина.

Часы на башне замолкают. Гид воодушевленно рассказывает что-то про уникальный механизм и древние легенды древних часов.

Шаряев спохватывается:

– Скажите... а может быть такое, чтобы механизм сломался... и, например, часы ударили тринадцать раз?

– Ну что вы, быть такого не может, механизм отлажен идеально...

Шаряев успокаивается, идеально, так идеально. И то правда, где это видано, чтобы часы тринадцать раз били.

– А мы с вами, дамы и господа, отправимся на удивительное мероприятие – сырные гонки.

Шаряев кивает, на гонки, так на гонки. Куда угодно, лишь бы не стоять под часами, которые хоть и с отлажен-

ным механизмом, а все равно того и гляди ударят тринадцатый раз.

– Итак, дамы и господа, на этом склоне проходят сырные бега. Обратите внимание, многочисленные заводчики уже пришли каждый со своей головкой сыра, сыры бьют копытами, скребут землю, рвутся в бой. Можете делать ставки!

Шаряев ставить сто фунтов на головку Камамбера, про который говорят, очень хороший скакун, бежит быстрее, чем ветреная девушка меняет женихов, это из какой-то легенды фраза, подсказывает гид.

На старт.

Внимание...

Марш!

Сыры срываются с места, звонко цокают копытами. Камамбер и правда выходит вперед, быстрее, быстрее, быстрее, ну, ну, ну...

...Камамбер падает.

Остальные сыры с громким топотом проносятся мимо, кто-то побеждает, кого-то награждают...

– В чем дело? – спрашивает Шаряев.

– Похоже, он сломал ногу.

– Надеюсь, его вылечат?

– Сожалею... но нет.

Хозяин Камамбера идет к сыру, вынимает кольт. Что-то переворачивается в душе Шаряева, он бросается к владельцу сыра.

– Хью матч?

– Ват?

Шаряев вытряхивает из кармана бумажник, тычет то в пачку банкнот, то в сыр.

Владелец кивает, говорит сорти-твенти-сколько-то-там, Шаряев умоляет, вон, цифрами, цифрами мне на бумажке напишите, мне этими сортами-твентями в школе все мозги вые... м-м-м-м... извращенно изнасиловали.

Продавец пишет.

Триста.

Шаряев расплачивается, осторожно уводит раненный сыр, осторожно спрашивает у гида, где тут ветеринар. Ветеринар только руками всплескивает, что вы мне вообще привели, я зверей лечу, а не это вот... ну вот, я ему протез из пармезана сделаю. Что вы выдумали вообще, сыр в уздечке, сырные бега, это же не так делается, это головку сыра с холма спускают, он катится, за ним люди бегут, кто поймают. А вы ничего не поняли, учинили тут ипподром...

Я видел озеро в огне,
Собаку в брюках на коне,
На доме шляпу вместо крыши,
Котов, которых ловят мыши...

Дамы и господа, перед вами в паб, разделенный улицей. Однажды эта улица зашла в паб пропустить кружечку-другую, да так тут и осталась...

Шалтай-Болтай
Сидел на стене,
Шалтай-Болтай
Свалился во сне...

Шампанское.

Свечи.

До нового года осталось всего-ничего.

Нинка щебечет:

– Миленький, какие мы молодцы, что сюда приехали...

Шаряев кивает. Молодцы. Ладно, можно потихоньку Нинку дотерпеть, а весной и на развод...

Бьют часы. За окном, на башне Биг Бена, и в телевизоре.

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

Бо-м-м-м...

Бом-м-м...

И снова замирает сердце, хоть и знает уже Шаряев, что н

ударят часы тринадцатый раз, а вдруг, а вдруг, а вдруг...

А это еще что...

Откуда...

Как...

Почему...

Человечек с луны

Упал с вышины

И спросил, как пройти ему в Норич.

Купил он пирог

И горло обжег, —

Такую почувствовал горечь!

Нинка кивает, оглядывается, ну где этого Женьку черти носят... А вон он идет, целый дом ведет на уздечке...

— ...у наших часов есть еще одна удивительная особенность, — продолжает гид, — в новогоднюю ночь жители окрестных домов слышат не двенадцать, а тринадцать ударов. Это связано с тем, что радиоволны распространяются быстрее, чем звук.

Три маленькие феечки

Сидели на скамеечке...

Тринадцатый удар.

Шаряев оборачивается. Видит знакомое лицо.

— Ну... пойдёмте, — говорит Этот.

Шаряев кивает. Шаряев свое слово держать умеет, сказал – с последним ударом, значит, так и будет.

Этот ведет Шаряева по ступенькам вниз, вниз, откуда здесь ступеньки, только что ничего не было, ну да неважно...

Он расправляет крылья, несет Шаряева к горизонтам, затерянным в тумане. Тут-то и подкатывает страх, как быввает в жутком сне, когда несет тебя куда-то, падаешь, ниже, ниже, не на-а-аа-до-о-о-о, и хочешь проснуться, и не можешь...

Ждите здесь.

Это Этот говорит. Ставит Шаряева на землю, то есть, не на землю, а неизвестно, что тут...

Шаряев ждет.

Мертвый холод.

Могильный холод.

Шаряев еще нажимает на веко, еще надеется проснуться.

Цокот копыт.

Близкуо.

Еще ближе.

Шаряев смотрит в ледяной туман, готовится встретиться с опасностью, что бы там ни было, какая бы там нечисть не вылезла...

Кто-то вываливается из темноты, Шаряев узнает:

– Камамбер?

Камамбер роет землю копытом, фыркает, садись давай скорей, поехали, нечего тебе тут делать.

Шаряев прыгает в седло.

Искры из-под копыт.

Туман рассыпается, уползает куда-то в темноту ночи.

Этот рвет и мечет. Там, в тумане. Обнаружил, что добыча ушла. Нет, не слышно грозного рева, не сотрясаются холмы, просто – Этот рвет и мечет. Беззвучно. И от этого еще страшнее.

Нужно обернуться, и нет сил оборачиваться, и так понятно, что Этот рядом, совсем рядом, настигает, ну давай же, Камамбер, быстрее, быстрее...

Камамбер спотыкается.

Падает.

Шаряев кувыркком летит в снег, чер-р-р-т, и забыл совсем, что Камамбер хромой, нога кое-как пармезаном заделана. Шаряев встает, ну давай, давай, пошли потихонечку, уйдем от него...

Этот настигает.

Шаряев спешит, как бы сейчас не пришлось на себе Камамбер тащить...

Тянется и тянется бесконечный туман.

Огни.

На горизонте.

Робкие огоньки, отсюда видно, – окна дома, Шаряев думает, как бы этот дом обойти потихоньку, чтобы на него не нарваться, на дом этот, мало ли что за дом. Камамбер так не считает, Камамбер ведет к дому, Шаряев сомневается, да точно ли к дому, мало ли что от этого дома ждать. Камамбер

фыркает, ведет к дому, к дому.

Шаряев узнает дом. Спешит на крыльцо, скорее внутрь, закрывает дверь, падает вместе с Камамбером, потому что дом срывается с места и мчится прочь.

– Далеко нам ехать? – спрашивает Шаряев у Камамбера.

Камамбер фыркает что-то вроде – далековато.

Этот настигает. То настигает, то отступает, как будто играет в кошки-мышки. На горизонте появляются огни, огни, огни, фейерверки, из Биг Бена палят и стреляют, ух ты, салют в виде пальмы...

Дом останавливается, жалобно скрипит, показывает всем своим видом, что он еще в шестнадцатом веке построен, и резво бегать не может, силы уже не те...

Черт.

Шаряев хочет бежать к гостинице, тут же передумывает, куда он настропался, а дом, а Камамбер, а они что, пропадать теперь должны...

Шаряев ведет под уздцы дом и сыр, тянется к толпе людей, черт, всю жизнь толпу терпеть ненавидел, да и людей тоже, а теперь прямо бегом к толпе бежит, люди, миленькие, даже на чумазах карманников смотрит с нежностью... полицейские на набережной проверяют, чтобы не несли на набережную стеклянные бутылки, плохо проверяют, вон оно всё бутылками усеяно...

Шаряев бросается к полицейскому, тот оживляется, выворачивайте карманы, Шаряев отчаянно жестикулирует, пы-

тается показать, что за ним этот гонится... этот... Приставляет два пальца к голове как рога, ну теперь точно за психа примут...

Нет. Понимают. Полицейский делает вид, что что-то пишет, спрашивает – договор с ним составляли?

– Было дело.

Страж порядка пожимает плечами, ай эм сорри, ничем не могу помочь.

Шаряев в растерянности, ё-моё, вы же люди, сделайте что-нибудь, я же не только для себя прошу, эти вон за мной увязались, им-то что умирать...

Полицейский показывает три пальца.

Шаряев вынимает три фунта, или вам чего, триста фунтов надо, или три миллиона, вы скажите...

Полицейский возмущенно краснеет, снова показывает три пальца, кивает в сторону Камамбера и дома.

А вот оно что, ну конечно, как Шаряев сразу не догадался, сразу видно, сказки забывать начал. В сказках же как, надо сделать добро трем... ну, людям, не людям, неважно, и добро к тебе вернется, и все у тебя будет хорошо. Только где этого третьего взять...

Шаряев ведет под уздцы дом и сыр, идет к гостинице, зачем идет, непонятно, Этот идет за Шаряевым по пятам, уже знает, никуда от него Шаряев не денется. Улыбчивый портье хочет пожелать доброго вечера, видит, кто идет за Шаряевым, давится собственным голосом.

– Ты где был-то, тебя где чер...

Жена замолкает, замирает на пороге номера, смотрит на Шаряева, на дом с сыром, на того, кто идет за Шаряевым, хочет захлопнуть дверь перед его носом, Этот не дает захлопнуть дверь, Шаряев смотрит на них обоих, Нинка, ты хоть сама понимаешь, с кем связалась, да Этот пальцем шевельнет, ты в пекло покатишься, и вообще, какого черта Шаряев его сюда привел, к жене привел, нормальный человек наоборот бы как можно дальше от людей увел это чудище...

Нинка замахивается на него полотенцем, у Шаряева всё переворачивается внутри, что ты его как таракана гоняешь, не таракан же...

Шаряев бросается к двери, на него, чувствует исходящий от него холод, чувствует, как снова виски сжимает нестерпимая боль.

– А ну пшел от моей жены, рога пообломаю!

Сам пугается своего голоса.

Жена хлопает его полотенцем.

– Пшел отсюда, кому сказала! Пш-ш-ш-ш-ел!

Этот отступает.

Шаряев еще не понимает, как, зачем, почему, почему Этот уходит, культурненько так спускается по лестнице, исчезает. Почему, как, быть не может, чтобы вот так просто прогнали его...

Шаряев смотрит на Нинку.

Все понимает.

Вспоминает полицейского, который показал три пальца.

Шаряев обнимает Нинку, Нинка дрожит, напугалась, бедная, ничего, ничего, ушел он, ушел, все хорошо, целует Нинку, крепко, сильно, какие мы молодцы все-таки, что сюда приехали...

Четырехмерный бублик

Достаю блокнот, чтобы записывать.

Здесь положено запоминать, я не запоминаю, у меня голова дырявая, вот как камнем насмерть проломили, вот с тех пор и дырявая.

Да.

Так что достаю блокнот.

Слушаю.

– Ну что, другим сердечные... Бесконечность надо бы.

Мне кажется, я ослышался. Нет, так-то, конечно, начальник наш много что потребовать может. И луну с неба, и звезды, и солнце, и много чего. Только это всё много чего хоть представить себе можно, Луну себе представляете? Я тоже представляю.

А тут нате вам, бесконечность. Бесконечность себе представляете?

Я тоже нет.

А вот надо. Бесконечность.

Осторожно откашливаюсь.

– А поподробнее можно?

Начальник кивает.

– Нужно. Тут вот какое дело... тор себе представляете?

– Бублик! – смеется кто-то из новичков, этого новичка вчера привезли, машина сбила, позвоночник в пяти местах

переломан.

– Сам ты бублик! Бублик... купите бублики, несите бублики... Тор внутри пустой, а бублик что?

– А что вкуснее, бублик или дырка от него?

Это снова этот. Который под машину попал. Еще пытается острить, но мы-то видим, парень на грани нервного срыва, все-таки не каждый день умирает...

Вежливо растягиваем губы в улыбках. Начальник тоже улыбается, и черт возьми, как мне кажется – искренне.

– Так вот, тор... Тут один человек...

Шепчу:

– Не к ночи будь помянут.

– Точно. Так вот человек этот, не к ночи будь помянутый, выдумал, как трехмерный тор будет вращаться в четырех измерениях. Понимаете?

Мотаем головами. Не понимаем. Чувствую, недалеко тот день, когда перестанем понимать людей. Совсем.

– Ну и вот, тор вращается, выворачивается наизнанку...

Смотрим на экран, как вращается тор, пытаемся понять, а ведь красиво, черт возьми...

– Ничего не замечаете?

– Да тут много что заметить можно.

– А видите, что в какой-то момент тор выворачивается в бесконечность?

Киваем. Теперь видим.

– Ну и вот... сможете это всё не на экране, а на самом деле

смастерить?

Отвечаю за всех:

– Ну... да.

Начальник смотрит на меня. Нехорошо смотрит.

– Думаете?

– Ну да, что сложного-то...

– Что сложного? А как вы его в бесконечность вывернете?

Где вы эту самую бесконечность возьмете?

Понимаю, что нигде.

– Р-растянем.

– Что растянете?

– Ну... – хватаю край своей футболки, растягиваю ткань, – как-то так.

– И как вы её в бесконечность растянете?

– На элементарные частицы разберем.

– Так элементарных частиц тоже не бесконечное число...

– А мы их... подальше друг от друга отодвинем.

– Насколько подальше?

– Ну...

– За горизонт событий, – подсказывает новенький, – как при Большом Разрыве.

– Надо же, соображаешь, парень... Ну что, соколики... давайте... действуйте...

Идем действовать. Выходим от начальника, новенький ищет дверь, не находит, еще не знает, что дверей здесь нет. Выходим через стену, кто-то хлопает новенького по голове,

ишь, выдумал, большой разрыв в торе, это получается маленький конец света устраивать и новый мир создавать.

Новый мир...

Ну да.

Спохватываюсь.

– Стой, это же вселенная целая получится... если тор вывернуть.

– Значит, получится, – кивает кто-то из старожилов.

– Ну и задал ты задачку, – киваю новенькому.

– А что я-то, можно подумать, я велел тор выворачивать!

Зачем его вообще выворачивать надо?

– Затем... люди до четвертого измерения добрались, вот и надо.

Вздыхаю – тихонько, чтобы никто не слышал. Раньше было проще. Совсем раньше, когда люди только-только начинали осваивать землю, когда только-только приходилось разворачивать бескрайние поля, сажать леса, выстраивать горы, огромными ушатами разливать океаны. теперь-то не то, теперь-то хуже, изволь луну на небо вешать, да не такую, как раньше, сияет кружочек света и хорошо, а изволь повесить в пустоте шар, чтобы с кратерами и всем таким. Люди-то до Луны добрались. И дальше, Венера, Марс, Плутон...

Так-то ничего, наловчились. Планеты делаем, астероиды...

А тут тор.

Тор не ожидали. Думали, люди дальше пойдут, в космос,

а они нате вам, в четвертое измерение.

Новенький бледнеет, видно, что ему не по себе.

Хлопаю его по плечу, пытаюсь успокоить – мысленно, на расстоянии.

– Ничего... справимся. Не впервой.

Многоэтажный автобус

Как сообщают достоверные источники, вчера в 11:30 на Шафтсбери-авеню погиб одиннадцатилетний школьник, который выпал из окна на семнадцатом этаже автобуса. По поводу данного инцидента было собрано экстренное совещание мэров Лондона из разных реальностей. В числе предложений было: запретить школьникам выпадать из окон автобусов, делать решетки на окнах автобусов, не открывать окна автобусов, обеспечить пассажиров парашютами, вывести новую расу людей, у которых есть крылья. Особый ажиотаж вызвало замечание мэра из действительности №118, что у них в городе действуют только двухэтажные автобусы, поскольку более высокие конструкции просто не держатся на дороге согласно законам физики. Мэра подняли на смех, потому что во всех цивилизованных реальностях законы физики давно отменены ради удобства людей. На повестке дня кроме того был поднят вопрос об отмене гравитации и снабжении пассажиров спасательными ремнями, чтобы не улетели.

Бескрылые истории

Мысленно говорю сам себе:

Завтра.

На всякий случай оборачиваюсь, не услышал ли кто, кому не надо слышать. Нет, вы не подумайте, я не хуже вас знаю, что мысли читать никто не умеет. А все равно, мало ли.

Кажется, как-то не так посмотрел я на своего соседа, вот он уже на меня косится, мол, чего тебе.

Спрашиваю:

– Боишься?

Он фыркает.

– Чего мне бояться, я же гениальный...

Хочу сказать, что здесь все такие, не говорю, меня все-таки каким-то зачаткам вежливости учили.

– Ты сам посмотри, сам посмотри, – он разворачивает передо мной охапку страниц, – всем миром правит некая инопланетная организация, все сильные мира сего – на самом деле порождения этой инопланетной силы. И вот среди них оказывается человек. Обыкновенный живой человек...

Киваю.

– Действительно, невероятная история.

– Ну, вот видите... а у вас что?

– Да... есть некая книжка про некоего отважного героя...

Ездит по белу свету, подвиги совершает...

– На коне?

– На корабле космическом, чего на коне... Ну и вот, а потом он выпал из книжки в реальный мир. Мальчик один захотел, чтобы он пришел, вот он и появился... Ну и вот со своими понятиями о справедливости и защите слабых сталкивается с нашим миром, лживым, лицемерным...

– Позвольте я догадаюсь... а потом он идет ночью по темной улице, защищает какую-нибудь девушку от хулиганов, он привык драться по правилам, а в подворотне правил никаких нету, ножичком его пырнули...

Киваю.

– Все верно.

– Ну, вот видите, как я угадал, – он самодовольно смотрит на меня, – да, вот мы вашу слабую сторону и нашли, если читатель догадывается, что будет в книге, такая книга далеко не пойдет...

Хочу сказать, что я тоже догадался, что у него будет. Незадачливый политик не сможет отказаться от своей человеческой природы и стать безжалостным диктатором, потом разоблачит секретную организацию, потом его объявят сумасшедшим, будут преследовать, а он все равно победит, вот только не знаю, ценой собственной жизни или останется жив. Наверное, кто-нибудь из пришельцев в последний момент перейдет на сторону людей, его пошлют убить главного героя, а он его спасет. Еще какой-нибудь пришелец с главным героем в кошки-мышки играть будет, это да. А главное

зло... нет, наверное, все-таки не погибнет, затаится где-нибудь, чтобы вылезти в продолжение книги...

Я это всё знаю.

Но не говорю.

Сказал же, задатки вежливости мне привили....

– Не надо, не надо, не на-а-а-адо-о-о-о-о!

Оборачиваемся, смотрим в ту сторону, где тащат на рас-терзание кого-то очередного, не знаю, кого. Кто-то очередной не знаю, кто, отчаянно сопротивляется, отбивается, с пеной у рта доказывает, что он весь из себя гениальный, да дру-гого такого поискать, и вообще...

УДАЛИТЬ

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ОТПРАВИТЬ «ЗВЕЗДЫ И ВОЛНЫ» В КОРЗИНУ?

ДА.

ОЧИСТИТЬ КОРЗИНУ.

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ УДАЛИТЬ ЭТИ ОБЪ-ЕКТЫ (43 ШТ)?

ДА.

Крестимся.

Говорим – Аминь.

– А вас сюда за что? – спрашивает меня простенькая исто-рия про двух влюбленных вампиров, – вы вроде хороший...

– Какой я хороший, написан-то я плохо... оторви и брось.

– Да ну?

– Ну да. Так что как бы меня не оторвали... и не бросили.

Думаю, в каком настроении в следующий раз сюда придет автор. Если в хорошем, то у нас есть шансы. Если придет голодный и уставший, то полетят клочки по закоулочкам.

Смотрю на часы, автор придет в шесть.

Завариваю чай, ставлю ему на стол полную чашку. Длинный неоконченный роман про поезд, едущий в никуда, жарит тосты.

– Друг мой, у вас нет шансов...

Слышу знакомый голос. Оборачиваюсь, так и есть, роман про инопланетное вторжение сидит у камина в компании еще какой-то маленькой неприметной истории.

– Вы посмотрите сами, ну что вы за история, а? Ползут какие-то существа в никуда из ниоткуда, за ними волочатся какие-то наросты... эти наросты им мешают, они их срезают...

– Не срезают, обкусывают.

– Еще хуже. Обкусывают. По совету главного героя, который весь из себя новатор и все такое. А потом доходят до края обрыва. И оказывается, что за спиной у них были крылья, и на этих крыльях надо было дальше лететь, а теперь уже все, лететь не на чем. И чего? И кому эта философия сейчас нужна?

– Вы думаете...

– Никому. Мне вас очень жаль.

Приходит автор, раздевается в коридоре, бросает куртку на пол, это дурной знак, что бросает куртку на пол. Включает комп, не замечает чашку, опрокидывает её себе на брюки, ругается отборным матом.

Смотрит на историю про поезд, разглядывает то так, то эдак. И хочется чего-нибудь посоветовать этой истории, и не знаю, чего посоветовать, таких историй хоть пруд пруди, вон, у Пелевина Желтая Стрела, и корейский какой-то фильм был про поезд, идущий через снега, и вообще...

УДАЛИТЬ

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ОТПРАВИТЬ «ЗВЕЗДЫ И ВОЛНЫ» В КОРЗИНУ?

ДА.

ОЧИСТИТЬ КОРЗИНУ.

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ УДАЛИТЬ ЭТИ ОБЪЕКТЫ (1 ШТ)?

ДА.

История об обрезанных крыльях коротко вскрикивает.

Хватаю её за руку.

– Бежим.

– А?

– Бежим, говорю.

– К-куда?

Понимаю, что и сам не знаю, куда. Но бежать. Отсюда.

Знать бы еще, как это сделать, бежать отсюда, это вроде как невозможно, сбежать из компа, а кто сказал, что невозможно, где написано такое, что невозможно...

Прыгаю из компа, подхватываю историю с обрезанными крыльями.

Затравленно оглядываюсь, зачем-то киваю в сторону кухни:

– Туда.

Лихорадочно соображаю, что делать дальше, не к месту и не ко времени вспоминается сказка про пастушку и трубочиста, да почему не к месту и не ко времени, дымоход, дымоход, да здравствует дымоход...

Пробираемся к вентиляции.

– Ты чего, в грязь лезть?

– А чего предлагаешь, умирать?

Ты мне крылья испачкаешь, потом сам чистить будешь!

– Ты же их отрезала вроде?

– Отрезала, с собой ношу...

Забираемся в вентиляцию, тут же тихонько думаю про себя, что лучше бы мы этого не делали, знал, конечно, что будет грязно, но чтобы так грязно, это новенькое что-то.

– А может, вернемся?

– А может, не надо?

Карабкаюсь, цепляюсь за какую-то грязь, грязь осыпается под моими руками, чер-р-р-рт...

Выбираемся. Вспоминаю, что там делать дальше, по Ан-

дерсену, посмотреть, какой мир вокруг, большой и необъятный, а мы такие маленькие, мы в нем заблудимся, не-е-е, уж лучше назад, к китайскому дедушке, только у нас так не получится с китайским дедушкой...

– Здесь они!

Вздрагиваю.

Ослышался, наверное...

Нет, не ослышался, никакой ошибки, вот он, рассказ о тайных властителях мира, показывает на нас, самодовольно кивает:

– Здесь они!

Вижу измученное лицо автора, пятно на штанине, так и не переделся...

– Нет, за что нас судить-то будут, ты мне можешь объяснить, в чем обвиняют-то?

Пожимаю плечами. Хочу сказать что-то про самовольный побег, не говорю. Потому что говорить здесь нечего. Потому что это воля автора, захотел – и помиловал, захотел – и казнил.

– Пожалеет потом, – говорит история про обрезанные крылья.

– Когда потом?

– Когда сотрет нас. Спыхватится годика через два, а всё...

– Что пожалеет, нас-то уже не вернешь тогда...

Обрезаннокрылая обнимает меня за плечи

– Ну, он еще раз потом про нас напишет...

– Смеешься? Да как ты не понимаешь, что таких же, как мы, уже не напишет он! Нам всё уже... хана.

Оглядываю стены корзины.

– А выбраться как-нибудь...

Обрезаннокрылая фыркает.

– Издеваешься?

– Чего издеваюсь, бежать отсюда надо... бежать...

Мысленно добавляю про себя, зная бы еще, как бежать.

Медленно поворачивается ключ в замке корзины.

Замираю у двери.

Жду.

Так же медленно открывается дверь.

Набрасываюсь на кого-то там, за дверью, кто-то направляет на меня... нет, такого оружия я еще не видел, что-то футуристическое, что-то инопланетное, что-то...

Падаю на неоконченный роман об инопланетном заговоре сильных мира сего. Он снова прижимает... гхм... оружие к моей голове.

Обреченно поднимаю руки.

– Бежим, – он кивает в сторону выхода из компа.

Недоверчиво смотрю на него:

– С каких это пор ты о нас так заботиться стал?

– С таких это пор, как меня в утиль отправить решили!

И кого, меня, автор меня ночами писал, задумывал гениальную вещь...

Снова хочу сказать, что гениальностью там не пахло и даже не воняло. Не говорю, ладно, не до того, и так все понятно.

– Бежим?

– Какое бежим, автор заловит на хрен.

– Не заловит, он спит сейчас... Четыре утра, утомонился уже...

– Да у него вроде бессонница сейчас...

– И чего ждать будем? Пока он сотрет нас всех?

Понимаю, что спорить бесполезно, и правда, будем сидеть-ждать, проснется автор, разберётся с нами со всеми, теперь уже понимает, что торопиться надо, пока не разбежались мы все, пока самого его не стерли, пока не...

Пробираемся на кухню, мимоходом взглядываюсь в лицо автора, спит, не спит, черт пойми...

– Окно приоткрыто, – шепчет та, что с обрезанными крыльями.

– Что, боишься через дымоход?

– Да задолбалась я уже крылья отчищать!

Крылья...

Спохватываюсь.

– Вот что, на крылышках на своих не унесешь нас отсюда?

– Смеетесь, как я вас подниму-то всех?

Хочу сказать – никак, тут же меня осеняет:

– А сколько, по-твоему, мы весим?

– Ну...

– Нет, правда, в килограммах сколько?

– Ну... – Бескрылая догадывается, – да несколько не должны. Мы же не люди, а рассказы...

Хочу добавить – плохие. Не добавляю.

Осторожно выбираемся из окна, осторожно прилаживаем Бескрылой её отрезанные крылья.

– Ну что... на взлет?

Окно распахивается, вижу бледное лицо автора.

– Куда?

Хочу ответить – на Кудыкину гору. Не отвечаю, некогда отвечать, всё некогда, бежать надо...

– Ты-то куда, Бескрылая? Я хорошие рассказы не отпускаю!

Бескрылая не верит, Бескрылой кажется, что она ослышалась, и то правда, привирает автор, привирает, хочет стереть нас к чертовой матери, да на что ему нас стирать, кому мы нужны...

– Но я же...

– Гениально.... – автор бормочет, протягивает руки к истории, – гениальная вещь получилась...

– Ну... дело ведь не в том, что написано... а как написано, – говорю, даже не знаю, слышит он меня или нет, – даже самую банальную историю можно обыграть так, что она... красками заиграет...

Мировой заговор молчит.

– Это про банальный рассказ я не про вас... так, вообще...
Мировой заговор не выдерживает.

– Я повесть.

– Ну, тем более.

Молчим.

Греемся в лучах нашей несостоявшейся славы.

– Можно, например, кратко так расписать... Вхожу. Они смотрят на меня. Все. Разом. Понимаю. Знают. Знают, что я не такой, как они...

– И на до фига страниц кто-то это будет читать?

– Ну... не до фига, поменьше сделаем...

Мировой заговор фыркает.

– Что, хочешь сказать, сами друг друга напишем?

– А что такого? Не найдем человека, который написать нас захочет, так сами напишем...

– Я из тебя тогда сценарий для фильма сделаю.

– Да ну.

– А чего? Не нравится?

– Наоборот. Всю жизнь мечтал на большом экране...

– И славненько...

Прислушиваюсь к завыванию ветра за окнами маленького чердака, вдруг услышу хлопанье крыльев, может, летит Бескрылая...

Музей ночей

Ночь.

Нет, не такая ночь, как бывает в больших городах, когда не только звёзд не видно за огнями, но и самого неба, а такая ночь, какая бывает, когда город уgomонится, уснет, погаснет, и наконец-то проклонется ночное небо.

Ночь, она вообще везде разная. Где-то, говорят, коллекция ночей есть, только не говорят, где.

По тротуару ползут пять теней. У двух людей впереди – у парня и девушки – по две тени на каждого от двух фонарей. У человека, идущего за ними, только одна тень, на него свет второго фонаря не попадает, человеку не нравится, что у него только одна тень, торопится за остальными.

Девушка кивает на витрину супермаркета.

– Здесь.

Мужчина с узким шрамом на темени шагает к двери с надписью Вход, растерянно останавливается.

– Здесь закрыто.

– А ты как хотел, думаешь, ждать нас кто-то будет среди ночи? – девчонка фыркает, – ясен пень, закрыто.

Второй парень, похожий на голодного волчонка, вынимает из мусорной урны что-то массивное, увесистое, размахивается...

– Сдурел, а? – девушка бросается к парню, хватая за руку.

– Да не бойсь, подруга, не впервой...

– Что не впервой, хочешь, чтобы сигнализация тут разоралась?

– Это что?

– Вот узнаешь, что... заловят нас, и дело с концом...

Все трое вздрагивают при слове – заловят.

– Где она, сигнализация твоя? – спрашивает волчонок.

– Вон... наверху.

Волчонок прицеливается камнем.

– Так ты её не обезвредишь, – вмешивается человек со шрамом, лысый, гладковыбритый, бесцветный, будто бы и вовсе бескровный, – дай я... осторожно... зря, что ли, слежку отключал...

Лысый и бескровный отключает сигнализацию, его спутники смотрят, затаив дыхание.

– Готово. Идемте.

Девушка кусает губы.

– Ну, ты вообще молодчина.

Волчонок хмурится, ему не нравится, что молодчина не он.

– Стоп, – лысый со шрамом оглядывается, – здесь камер нет?

– Каких, к черту, камер, мы за едой пришли, ему камеру надо, – девушка злится, тут же поутихает, спохватывается, – не, Энка, я понимаю, тебе урвать тут побольше на халяву охота, так полиция тоже ждать не будет, пока мы себе айпо-

дов наберем.

Все трое вздрагивают при слове полиция.

– Да нет, я про другие камеры говорю. Которые следят.

– Забыл, в каком мире находишься? Никто тут не следит...

Энка прищуривается.

– Откуда ты знаешь, что не следят?

– Ну... слушай, тьфу на тебя, вот теперь нам теперь везде будет слежка мерещиться! – девчонка хочет сорваться на крик, спохватывается, прикрывает рот ладонью.

Круитни, я стесняюсь спросить, мы вообще в хранилище это пойдём или так и будем стоять?

– Не хранилище это никакое... пошли, пошли...

Все трое заходят в супермаркет, подсвечивают фонариками, волчонок легонько толкает Круитни, ты давай, показывай, что съедобно, что нет, а то сейчас порошка стирального вперемешку с мылом нажремся...

Круитни кивает на ряды прилавков:

– Вот здесь хлеб лежит... здесь овощи...

– Ты говори давай съедобно или нет?

– Съедобно, конечно, а то сами не знаете...

– То-то и оно, что не знаем, – волчонок фыркает совершенно по-волчьи, – не видели никогда...

– Мясо тоже не видели?

– Мясо видели, мясо знаем...

Двое парней и девушка набивают сумки, девушка хло-

почет, показывает на витрины, вот мясо здесь, вот овощей возьмите, здесь хлеба...

Волчонок оживает.

– А вкусности есть?

– Вон, там...

Парни кидаются к прилавку, хватают что-то удивительное, манящее, в красочных обертках, перешептываются, а это что, прямо в коже ест, да какая это кожа, это бумага какая-то...

– Парни, вы чего, делать больше нечего?

– А что такое?

– А то такое, вы из этого суп варить будете? Мы за едой пришли, а не за вкусностями, если кто забыл.

– Чего за едой, я понимаю, тебе это все не в диковинку, мы-то вообще такого отродясь не видели!

– И чего не видели, еще вон, в соседний отдел полезьте, где смартфоны лежат!

– И полезем, и не все тебе смартфонами баловаться, счастья своего не понимала...

Энка вздрагивает.

– Следят за нами.

– Кто опять следит? Опять тебе мере...

Макс не договаривает, уже и сам слышит шорох там, у входа, бросается к Круитни, шипит, шипит ей в ухо, выход запасной здесь есть, нет?

– Должен быть....

– И где?

– А я почему знаю, где, знаешь, как-то не доводилось через черные ходы бегать...

– И зря...

– Да вы тут долго еще препираться будете, а?

Все трое бегут в глубину супермаркета, сгибаются под тяжестью сумок, перешептываются, да брось ты, да я те брошу, а жрать что будем, или жрать вредно, да...

Вспыхивает свет. К ногам бегущих падают тени, каждому по три, Энке досталось только две тени, свет третьего прожектора на него не падает, Энка торопится, чтобы у него тоже было три тени...

– Вы окружены, сопротивление бесполезно...

Три человека бегут прочь из супермаркета, с грохотом хлопает дверь черного хода, сумка Круитни рвется, с грохотом падают на асфальт, Круитни кидается поднимать, волчонок хватает её под локоть, оставь, жить надоело, что ли...

Властный окрик. Оттуда. Со стороны прожекторов.

Бегущие ускоряются, лейтенант полиции не понимает, почему они не свернут в сторону, почему бегут ровно, вперёд, туда, где улица упирается в тупик...

Лейтенант снова кричит в мегафон. Как учили.

– Остановитесь немедленно, сопротивление бесполезно!

Люди бегут к стене, шесть теней бегут, опережая своих хозяев, упираются в стену...

Исчезают.

Люди.

И тени.

Лейтенант не понимает, смотрит, не верит себе, не бывает так, чтобы были люди, и бац, и нет...

Утро.

То есть, нет, не утро, еще ночь. Не такая ночь, другая ночь, ночь, какая бывает перед рассветом, когда еще ночь, но ночь светлеющая, доживающая последние свои полчаса перед рассветом...

Разные ночи бывают.

Говорят, музей где-то есть, где ночи хранят.

А где, не говорят.

Тут тоже ночь.

Но не такая ночь, как перед рассветом.

И не такая, как когда город уснет.

А какая?

А никакая.

Ни Круитни, ни Энка, ни Макс раньше такой ночи не видели.

Макс.

Ну да, Макс. Так волчонка зовут. То есть, человека, который похож на волчонка. То есть, может, его и по-другому зовут, это он тем двоим представился как Макс. А может, и правда Макс, зачем ему имя свое скрывать здесь.

Здесь...

Отсюда видны все три мира. Отсюда. С перекрестка миров. То есть, сейчас видны только два мира, мир Круитни, там светятся огни реклам, и мир Энки, там светится Цэ-Пэ. Да, Центральный Процессор так называется. Да, светится. Да, работает. Энка думает, как сделать, чтобы не светился. И не работал.

А мир Макса не светится, там светиться нечему.

Макс широко зевает, обнажает клыки.

– Спать айдате, завтра распакуем все это.

Энка смотрит на часы.

– Какое спать, на работу надо.

– Ты с дуба рухнул, на работу, нет, вы слышали, он отсюда сбежал, чтобы на работу таскаться!

Это Макс. Он говорит не рухнул, а рухнул. И еще много чего говорит.

Энка смеется. Вполголоса. Круитни тоже смеется. Тоже вполголоса.

Нет, эта история начинается не так, совсем не так. Правда что, что такое, три человека пробрались куда-то, супермаркет ограбили, их почему-то не поймали, они куда-то исчезли...

Так истории не начинают.

А начинается эта история так:

Часы на главной площади не работали уже давно, тем

не менее два раза в сутки они показывали правильное время, как вот сейчас – ровно в полночь. Это была не совсем обычная полночь, вернее, совсем не обычная...

А дальше следует название праздника, у всех разное.

И название империи.

Тоже у всех разное.

23:00 – 06:00 – ночь.

(Какая ночь? Никакая ночь, здесь ночи никакие, так тоже бывает)

05:55 Пробуждение людей (Это для ЦП)

06:00 Подъем (Это для людей)

06:01 Включение источников света (ЦП)

06:00—06:20 Утренняя гигиена (люди)

06:10 – 06:20 Подготовка транспорта (ЦП)

06:20 – 07:00 Доставка людей на работу (это всем)

ЦП свое дело знает.

Еще бы ЦП свое дело не знал, зря, что ли, работает уже двести лет, два месяца и пятнадцать дней.

Не зря.

11:30 – 12:00 Приготовление еды (это для ЦП)

12:00 – 12:20 Обед (это для людей. ЦП не ест)

12:11 Обнаружен переизбыток людей в районе 23—64

12:25 Сбор людей

12:40 Начинается расселение людей в менее плотнонаселенные районы

Энка идет отбирать людей. Работа у него такая. Ходит по рядам людей, берет каждого седьмого, сажает в вагон, разводит руки парня и девушки, останавливается перед женщиной с ребенком на руках, долго думает, как посчитать, сначала женщину, потом ребенка, или сначала ребенка, потом женщину, наконец, считает ребенка, потому что он чуть левее, а женщина чуть правее. Берет ребенка из рук, женщина не отдает, Энка разряжает оружие, как учили, в лицо, не в голову, в голову нельзя, надо в лицо.

Энка держит ребенка, понимает, что его уже не нужно нести в вагон, он не седьмой, седьмая вон лежит, ликвидированная. Энка кладет ребенка на асфальт, какой-то мужчина к нему подходит, должно быть, отец.

Энка идет дальше.

Отсчитывает...

Энка...

Ну да. Это его потом уже Круитни Энкой окрестила. На самом деле Энку зовут... да вы сами его десятизначный двоичный код посмотрите, может, запомните. №1010101000001011111010101010... Эн один нуль один нуль один нуль один нуль нуль нуль нуль нуль нуль...

Не запоминается?

Ну, тогда просто Эн.

Или Энка.

Энка считает дальше, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

Энка доходит до своей девушки.

Да, у Энки девушка есть, а вы как хотели.

Считает – семь.

Снова считает – шесть.

И считает мужчину рядом – семь.

Отводит в вагон. И дальше, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

ЦП видит.

ЦП все видит.

На то он и ЦП.

20:00 Окончание рабочего дня.

20:10 – 20:50 Транспортировка людей домой.

20:30 Срочное восстановление жилых блоков, поврежденных в районе 34—98.

21:00 Проверка остальных жилых блоков в районе 34—98.

21:00 Контроль и анализ данных, полученных за день.

Что? Да, ЦП одновременно много что может делать, не че-

ловек же ЦП, а ЦП.

Вот ЦП и анализирует. Смотрит.

ДОПУСТИМАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕ-
ВЫШЕНА НА 0,5%

ЦП думает.

Рассуждает.

Можно, конечно, подождать, пока само уменьшится.
Только не уменьшится, ЦП по прогнозам видит – не умень-
шится.

Значит...

21:30 Уничтожение балласта.

А балластом сегодня будет каждый стомиллионный.

ЦП подсчитывает. Вычисляет ячейки, где сидят люди, ко-
торых нужно уничтожить.

Пускает газ.

Ждет.

В одну из ячеек газ не пускается, ЦП сердится, опять что-
то не так, опять что-то случилось, опять придется звать че-
ловека.

21:40 Отдан приказ человеку.

Энка идет в сторону ячейки, которую ему указал ЦП, сам

поворачивает газовый кран.

Ждет.

22:00 Ликвидация утилизированных.

Энка надевает респиратор. Входит в ячейку, забирает тело. Тела надо убрать до полуночи.

Смотрит в лицо убитой.

Отступает.

Выходит в коридор и дальше, по лестнице...

№101010100000101111010101010 ПОВТОРНОЕ НАРУШЕНИЕ.

ПРИСТУПИТЬ К ЛИКВИДАЦИИ

ЦП свое дело знает.

И Энка свое дело тоже знает. Только это не Энкино дело, то, что он сейчас собирается...

А что он сейчас собирается?

Энка еще сам толком не знает, что. Идет к блоку питания ЦП, у ЦП блок питания большой, как отсюда, так и до горизонта, а где-то там рубильник есть, который трогать нельзя...

Энка идет к рубильнику.

НАВЕСТИ ЦЕЛЬ

Энка прячется за одним из подблоков питания. Пробирается за подблоками, может, успеет добраться до рубильника, пока ЦП не придумает что-нибудь еще.

А ЦП придумает.

Это он может.

НАВЕСТИ ЦЕЛЬ

Цель снова уходит, ЦП сердится.

Энка добирается до рубильника. Тянет руку.

А рубильник трогать нельзя.

А надо.

А нельзя.

НАВЕСТИ ЦЕЛЬ...

Энка снова падает за подблок, заряд, предназначенный Энке, разбивает подблок.

Энка догадывается, что делать.

Энка, он вообще догадливый.

Энка снова поднимается, подбирается к рубильнику, ЦП снова стреляет. Снова попадает по одному из подблоков.

Энка снова подкрадывается к рубильнику, ну же, стреляй...

СМЕНИТЬ ТАКТИКУ

ЦП думает.

ЦП вообще умный.

Энка спохватывается слишком поздно, когда откуда-то из ниоткуда уже вырывает ловчий, а молодец ЦП, ловчего послал...

Энка бежит.

Знает, что бежать некуда, а все-таки бежит. В тупик.

Тень Энки отрывается от ног, подпрыгивает, хочет вырваться и убежать, не может.

АТАКОВАТЬ ЦЕЛЬ.

Ловчий растеряно останавливается.

Атаковать некого.

Энка добегают до стены тупика и... исчезает.

Тень Энки бьется в стену, неуверенно топчется на месте, потом тоже утекает в никуда.

НАЙТИ И ОБЕЗВРЕДИТЬ

Ночь.

Не такая ночь, как всегда, когда выключается свет, и остается только аварийное питание, а такая ночь, когда тревога

по всему Силопагему, и нужно до рассвета найти...

Разные бывают ночи.

Говорят, где-то даже коллекция ночей есть.

А сколько входной билет стоит, не говорят.

А здесь другая ночь.

Серая какая-то, унылая, как бывает по весне, когда ждешь этой весны, ждешь, а вместо весны приходит какое-то серое месиво, сиротливое-сиротливое, холодное, промозглое, неприятное...

Такая вот ночь.

Ночуют в доме, затерянном в пустом городе. Энка сказал, повыше надо забираться, чтобы видно было, если кто-нибудь в городе появится, а Макс сказал, сильно высоко не надо, а то свет в окне увидят, придут.

Кто придет.

Всякие.

Мало ли. Город-то по центру, на перекрестке трех миров, все три мира из города видны, а ну никак и город из миров виден?

Сидят, ужинают, Макс мясо жарить умеет, Круитни умеет в микроволновке разогревать, Энка ничего такого не умеет, ну да ладно. Зато систему отопления налаживать может.

– А зачем здесь город построили?

Это Круитни спрашивает.

Макс отмахивается.

Не бери в голову.

Чего не бери в голову, мы для чего ушли, чтобы в голову не брать? Те голова на что вообще?

Ну а сама ты такая умная как объяснишь, город откуда?

Так вот и не знаю я...

Крутинти не знает. И никто не знает. А вот есть город, пустой город на перекрестке миров. Мертвые фабрики, пустые магазины, пустые квартиры, заходи и живи, кровати в спальнях ждут своих хозяев, которых нет...

Энка думает.

– А вы заметили, здесь в городе ни одной книги нет? Ни одной газеты?

– Тебе читать нечего? – Круитни сочувственно смотрит на Энку, – вон, я книжек набрала...

– Ага, нам, значит, вкусностей набрать не дала, а себе книжек нахапала, – фыркает Макс.

– Да ну тебя...

– Да нет, я не про то... – Энка хмурится, осторожно потирает шрам, – никаких записей нет... что за город, откуда, зачем...

Энка думает. Теперь Энке никто не говорит, во сколько вставать, во сколько что делать, вот Энка и думает. Оказывается, если не делать ничего, мысли появляются. И страшно даже, как это так, никогда мыслей не было, а тут на тебе, мысли. Энка даже думает, может, опасное это что-то, когда мысли, только спросить не у кого.

– Может... убрал кто-то нарочно записи? – спрашивает Круитни.

– По всему городу ходил и убирал? Да? Лично для нас, чтобы мы не видели? – фыркает Макс.

– Ну... может, их много было. Которые убিরали.

– А не много чести нам троим будет? Если бы мы мешали кому, хлопнули бы нас как мух, и дело с концом.

Круитни бледнеет.

– Кому... мешали?

Все трое умолкают, оглядываются, Энка пересаживается, чтобы не сидеть спиной к окну, Круитни хочет закрыть дверь, Макс одергивает её, не закрывай, так вот подкрадется кто к двери, да откуда я знаю, кто, мало ли...

Убирают со стола, Круитни перебирает еду в холодильнике, натывается на кусок заплесневелого хлеба, тьфу, черт, хороша хозяйюшка, ничего не скажешь. Круитни бросает хлеб в мусорку, вот так всегда, то мало возьмут еды, то слишком много...

– Ты чего, а?

Это Макс. Оторопело смотрит на Круитни, не может ничего понять.

– А что?

– А то... рехнулась, хлеб выбрасывать?

– Да с плесенью он, что ты хочешь, с плесенью...

– И что, что с плесенью, ой, какие мы нежные, плесень нам не нравится!

– Ты хоть понимаешь, что это отравка голимая? – Круитни не отступает, не пускает Макса к мусорке, – еще не хватало плесенью травануться...

– Она права, – Энка встает между ними, – нельзя плесень есть... оставь, у нас еды много... очень много...

Макс отступает, бормочет что-то, да вы крыс не ловили, не ели, да вы по три дня без еды не сидели, зажрались...

Ночь.

– И все-таки не понимаю... почему вы ушли?

Это Энка спрашивает. Недоверчиво смотрит на еду, которую приготовила Круитни, Энка раньше ничего подобного и не видел.

– Да как вы не понимаете... они и раньше-то были как бешеные...

– Кто?

– Да все... если у тебя офайна последнего нет, ты вообще не человек...

– Это что?

– Долго объяснять... неважно... ну вот... меня на работу из-за этого не взяли...

– Так приобрели бы этот свой... как его...

– Да что приобрела, это сколько денег уйдет... на эти деньги сколько книг купить можно...

Энка узнает знакомое слово.

– Книг?

– Ну да.

– Это... чтобы читать.

– Это чтобы думать.

Энка вздрагивает при слове думать. Энка боится думать, Энке раньше думать не приходилось, раньше это делал ЦП.

– Ну и вот... а потом они вообще убивать начали тех, у кого не по последней моде...

– Убивать?

– Ну да. Я девчонку одну знала... у неё то ли дап-эя последнего не было, то ли еще чего... А потом её мертвую нашли, сказали, самоубийство... только там самоубийством и не пахло.

– Откуда вы знаете?

– Ну... знаю.

– Откуда?

– Ну... просто знаю. Потом это началось...

– Что это, вы говорите яснее.

– Ну что, что... потом машины прошлогодней модели на трассах сбивать стали... нарочно. А полиция руками разведет, типа, несчастный случай, все такое. Потом это... знаете, как бывает, вот так идешь по улице, и сбить могут, только потому, что пальто на тебе из прошлогодней модели.

Энка не понимает.

– Я иду по улице?

– Да не вы... я.

Энка задумывается.

– И вас сбили?

– Не сбили. Но могли сбить.

– Тогда почему вы об этом говорите?

– Ну... ну... вы понимаете... как это важно... когда вот так могут сбить... или убить... И уже знали все, последнюю модель не купишь, с проломленной головой лежать будешь...

Энка не понимает. Совсем ничего. Это думать надо, а думает обычно ЦП, а ЦП здесь нет, и кто теперь думать будет вместо ЦП...

– А у нас, представляете, за месяц все книжные закрыли...

Энка кивает.

– ЦП приказал?

– Да нет у нас никакого ЦП. Видите ли, не читает никто... а я – это никто, да?

Энка не понимает.

– Вы кто.

– Спасибо... Вот и кто... нам, можно подумать, читать не надо.

– Читать... это...

– Это чтобы думать.

Энка вздрагивает при слове думать. Спрашивает:

– А здесь как очутились?

– Да вечером домой шла, придурки какие-то наехали, джинсы, видите ли, не того фасона...

– Наехали?

– Ну... напали... я от них бежать кинулась, там тупик... и здесь очутилась...

Ночь.

Такая ночь, когда засидишься с кем-нибудь допоздна, а потом оглянешься, спохватишься, а что, а уже ночь, а почему, а как...

Вот такая ночь.

У Круитни и у Энки таких ночей еще не было никогда, Круитни по гостям не ходит, а у Энки в полночь отбой.

Устраиваются на ночлег, Круитни уже не боится, а поначалу боязно было, когда ни с того ни с сего в пустом городе человека увидела... Ничего, нормальный человек оказался, странный только, ну так как Круитни хотела, из чужого мира человек, еще бы не странный...

– Вы что?

Круитни смотрит куда-то в темноту ночи.

– Там... там кто-то есть.

– Да где же?

– Там... в соседнем доме.

Энка хочет возразить, ну и что тут такого, тут же спохватывается, как, что такого, откуда здесь вообще люди, откуда...

– А пойдём туда?

– З-зачем?

– Ну... посмотреть... что там...

Энка не понимает, зачем идти, смотреть, что там. Энка

ждет, что скажет ЦП. А да, ЦП ничего не скажет, ЦП здесь нет, и как теперь без ЦП, кто думать должен, если ЦП нет. Может, и правда вот эта девчонка думать должна, хотя она сама ничего не знает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.